

Жэнь Ши поддерживал Гу Сюньчжи, пока они спускались с горы. Идти им было некуда, кроме той самой лавки-постоялого двора, где они останавливались прежде.

Ее хозяин, хоть и не промышлял разбоем сам, определенно водил знакомство с горными бандитами. Заподозрив неладное, он еще утром выходил к воротам и долго смотрел им вслед, заметив, что путники направились к горе Лазурного неба. Теперь же, завидев их возвращение, он испытал смесь испуга и нервного напряжения, но тут же поспешил навстречу, расплываясь в гостеприимной улыбке.

Гу Сюньчжи, прекрасно понимая, что за человек перед ним, все же ответил на любезность:

— Сегодня мы навестили старый дом, но там царит такой беспорядок, что за один раз и не разберешься. Придется нам еще немного вас потеснить.

Хозяин осклабился:

— Помилуйте, это ведь наше ремесло, о каком стеснении речь? Для нашей лавки честь, что такие почетные гости решили задержаться подольше.

Оба вели тонкую игру, не выказывая истинных мыслей. Хозяин проявлял подчеркнутую предупредительность: накрыл на стол, а затем осведомился, не нужно ли подготовить еще одну комнату. Сюньчжи уже готов был согласиться, но Жэнь Ши опередил его:

— Ни к чему. Нам хватит и одной.

Гу Сюньчжи никак не мог взять в толк эту навязчивую идею шисюна — непременно поселиться вместе, где бы они ни оказались. Поначалу это соседство заставляло его краснеть и нервничать, но со временем он привык. Теперь он мог, не ведя бровью, продолжать беседу, даже если шисюн стоял перед ним в одном лишь нижнем платье. Но порой греховные помыслы, затаившиеся в глубине души, было не унять. Стоило Сюньчжи засмотреться на лицо шисюна, как он тут же отводил взгляд, безмолвно и сокрушенно вздыхая про себя: «Эх, ты...»

Хозяин принес всё необходимое и поспешно ретировался, не смея задерживаться ни секундой дольше. Сюньчжи присел на край кровати и, потянув Жэнь Ши за собой, прижался к его плечу.

— Шисюн, тебе и раньше доводилось встречать демонов?

— Много раз. В смутные времена они повсюду. Сейчас в стране покой, но если подобная тварь объявилась так близко к столице — значит, и до беды недалеко.

Сюньчжи читал об этом в книгах, но никогда не воспринимал всерьез. От слов Жэнь Ши он невольно поежился:

— Значит... людей ждет гибель и разорение?

Жэнь Ши повернул голову и внимательно посмотрел на него:

— Что мне на это сказать? У тебя слишком мягкое сердце. Ты совсем не подходишь для пути самосовершенствования.

Взгляд шисюна был полон нежности, а в словах не слышалось осуждения, но Сюньчжи вдруг охватила досада.

— Я буду стараться! Не позволю твоим трудам пропасть даром.

Он отвернулся, пряча лицо. Он и сам знал, что не годится в бессмертные — понял это еще в пятнадцать лет. И, честно говоря, он никогда не любил этот путь: бесконечные упражнения для тела и духа, жизнь без любви, без страсти, без гнева и печали.

Миряне зовут практиков «небожителями» и ждут от них подвигов — защиты слабых, спасения страждущих. Но Сюньчжи знал правду: всё это не имеет к ним отношения. Благородство — удел героев, сострадание — обет буддистов. А они, те, кто зря носит громкое имя бессмертных, просто живут чуть дольше остальных, не в силах по-настоящему кому-то помочь или кого-то спасти.

Он был бесполезен. Столько лет прожил нахлебником в княжеском поместье, а теперь, оказавшись на воле, вынужден цепляться за жизнь лишь благодаря шисюну. Он так и не научился стоять на ногах самостоятельно — ни как практик, ни как человек.

Жэнь Ши, при всей своей привычной отстраненности, почувствовал уныние младшего брата. Он коснулся его волос и проговорил тихим, певучим голосом:

— Не страшно, если ты не станешь великим практиком. Мне нужно лишь, чтобы ты жил.

Глаза Сюньчжи подозрительно заблестели. Он поднял взгляд на шисюна:

— Но как мне жить, если я не иду по пути Дао?

Это был самый трудный вопрос. Жэнь Ши не нуждался в техниках, чтобы жить тысячелетиями, но век смертного короток. Сколько императоров и полководцев отдавали всё за эликсир бессмертия, и как мало из них добились успеха. Способов продлить жизнь на время существовали тысячи, но Сюньчжи уже подошел к естественному пределу человеческих сил. Единственным спасением была истинная культивация, но с его нынешним состоянием духа... успех был невозможен.

Чтобы преуспеть, нужно оборвать мирские связи. Обычные желания — лишь помехи, и даже сама жажда долголетия становится преградой. Бывали случаи, когда ослепленные жадностью практики убивали собственных жен, надеясь «постичь Дао через утрату», но сам этот акт насилия навсегда закрывал перед ними небесные врата. Что же до Гу Сюньчжи... пока в его сердце живет жажда Жэнь Ши, его самосовершенствование обречено на провал.

Оба они это понимали.

Раньше Сюньчжи старался не думать об этом. Он послушно принимал все снадобья и методы, что находил для него шисюн. Но сейчас, при мысли о грядущем хаосе и пробуждении демонов, он почувствовал, что силы его на исходе.

Какой смысл цепляться за жизнь, если придется лишь беспомощно наблюдать за гибелью мира, оставаясь обузой для шисюна?

Он взгляделся в лицо Жэнь Ши. Шисюн тоже смотрел на него — в последнее время его взгляд стал пугающе ласковым, совсем не таким суровым, как в воспоминаниях юности. Почему он так добр? Еще немного, и Сюньчжи окончательно потеряет над собой власть.

В душе Гу Сюньчжи родилось отчаянное желание: хватит послушно следовать наставлениям, хватит пытаться выжить в смуте. Лучше хоть раз поступить по-своему, а остальное — пусть горит огнем. Всю жизнь он был осторожен, подстраивался под чужую волю, не смел переступить черту. Даже в годы мятежной юности его единственным бунтом был постыдный побег с горы за спиной учителя. Но теперь, стоя у края бездны, он захотел восстать по-настоящему.

Сюньчжи решился. Он обхватил шисюна за шею и прижался своими губами к его губам.

Этот поцелуй не был похож на те редкие касания, что позволял себе Жэнь Ши — мимолетные, как взмах крыла стрекозы, когда губы едва касались лба, исчезая прежде, чем можно было почувствовать их тепло. То были поцелуи родителя или наставника, холодные и отстраненные.

Сюньчжи хотел другого.

Не дожидаясь ответа, он попытался разомкнуть зубы Жэнь Ши, лихорадочно, почти в бреду покусывая его губы. Его движения были порывистыми, неумелыми, полными немого требования отдать ему всё.

Но глубоко внутри он всё еще трепетал. Он крепко зажмурился, не смея видеть лица шисюна, боясь прочесть в его глазах приговор самому себе. Всю жизнь он хранил достоинство и изящество манер — это было его привычкой и его доспехами. Он до смерти боялся увидеть себя таким: потерявшим рассудок, охваченным безумной страстью.

Даже с закрытыми глазами он чувствовал всё. Тело, которое он сжимал в объятиях, стало жестким. Казалось, он обнимает божество, изваянное из холодного белого фарфора — гладкое, твердое, недвижимое. Оно создано для поклонения, но не умеет отвечать на чувства.

Гу Сюньчжи было плевать. Ему хватило бы и малого — лишь бы шисюн не оттолкнул его.

Но внезапно всё изменилось. Фарфоровое изваяние в его руках ожило. Он приоткрыл прохладные губы, позволяя Сюньчжи забрать всё, что он жаждал, подобно тому как божество милостиво ниспосылает небесную росу верному паломнику. В этом поцелуе Сюньчжи вдруг осознал то, чего не понимал никогда прежде: Жэнь Ши — это первоисточник, само начало начал. Он был рожден в миг сотворения мира.

В это мгновение Сюньчжи забыл о своей дряхлости. Он понял, насколько он ничтожен, а годы его жизни — лишь краткий миг. Преградой между ними была не внешность и даже не путь Дао. Их разделяло Время.

В глазах шисюна он всегда будет ребенком, даже на смертном одре. Даже если он достигнет вершин мастерства, доступных человеку, он никогда не увидит мир таким, каким его видит Жэнь Ши.

Эта истина отозвалась в нем острой болью. Отчаяние вытянуло из него силы, поцелуй потерял прежний напор, став лишь слабым касанием, — и именно тогда Жэнь Ши раскрыл объятия.

Шисюн прижал его к себе. Его едва уловимая прохлада утихомирила лихорадку Сюньчжи. Эта нежность была холодной, но целительной. Дыхание Гу Сюньчжи мало-помалу выровнялось.

— Не бойся, — прошептал Жэнь Ши.

Сюньчжи хотел сказать, что ему не страшно, но не смог вымолвить ни слова. Он действительно боялся — многого, чего и сам не мог толком объяснить.

Жэнь Ши поглаживал его по спине. Шисюн чувствовал каждый позвонок — Сюньчжи был так худ, что кости неприятно выпирали.

Убедившись, что младший брат успокоился, Жэнь Ши отстранился и внимательно посмотрел ему в глаза:

— Я-то думал, тебе стало лучше, а ты всё еще так слаб. Потратил все силы на один взмах меча. К счастью, через пару дней полнолуние. Я снова проведу передачу духовной энергии.

Слова прозвучали до обидного обыденно, разрушая всё очарование момента. Жэнь Ши не был черств, просто мысли его всегда лежали в иной плоскости. Для него всё прочее могло подождать — важнее всего было здоровье младшего брата.

Теперь уже Гу Сюньчжи застыл как каменный.

Он знал, что истощен и вливание ци пойдет ему на пользу. Но прошлая процедура была настолько неловкой и постыдной, что он в ужасе воскликнул:

— Шисюн, мне уже гораздо лучше! Передача духовной энергии... может, в другой раз?

<http://bllate.org/book/17555/1714565>